

В ЛЕНИНГРАДСКОМ хореографическом училище имени А. Я. Вагансвой на маленькой сцене школьного театра шел традиционный концерт — производственная практика учащихся. Н. В. Беликова представляла на суд зрителей (а зритель здесь особый, сугубо профессиональный) своих лучших учениц — Людмилу Семенику и Галину Мезенцеву. Одна, улыбаясь, жизнерадостная, с легкостью проделывала любые движения, получала удовольствие сама и дарила его зрителям.

Другая — высокая, очень худенькая, с тонким нервным лицом, горделивой осанкой, красивой пластикой тонких длинных рук, стройными ногами, серьезная и строгая, замороженная впервые приоткрывшимся таинственным миром музыки и танца, постигала чудо те-

исполненная тайны, неразгаданности, смутных, беспокойных надежд. С появлением принца Зигфрида она как будто еще больше замыкается, уходит в себя, недоверчиво, с тревогой «слушая» признания Зигфрида, словно боясь в них обмануться.

«Белое» адажио Мезенцева танцует чуть замедленно, в сдержанной манере. Движения полны скорбного величия. «Выпевая» текучие танцевальные фразы, она вслушивается в голос собственного чувства. Пластическая мелодия льется свободно, но в непрерывной кантлене танца звучит и ширится трагическая тема. Глубоко затаенное ожидание и тревога ощутимы и в ее вариации. В сильных всплесках рук-крыльев отчаянная борьба, гордый вызов, тоска о воле.

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

ПОЛНО, ЩЕДРО, ЯРКО

атра, уносила куда-то вслед за чарующими мелодиями П. И. Чайковского. Галя Мезенцева танцевала адажио с четырьмя кавалерами из балета «Щелкунчик». Будущая танцовщица, еще школьница, она обладала не только редкими физическими данными — в ней угадывалась незаурядная внутренняя одаренность и тот балеринский посыл, который выделил ее, ученицу шестого класса.

Прошли годы. Галя вышла на большую сцену Театра имени С. М. Кирова, вышла уверенно и стала выступать в кордебалете.

Как балерина в буквальном смысле этого слова, то есть исполнительница главной партии в балете, она впервые выступила в «Лебедином озере». Начинать сценическую карьеру с этого балета после двухлетнего пребывания в кордебалете, порой самом «глубоком», не просто, но именно так и должна была начать Галина Мезенцева.

Каждая балерина мечтает станцевать «Лебединое озеро», но не каждая, даже самая виртуозная, имеет на это право. Роль Лебедя требует от исполнительницы совершенно особенных, специфических, профессиональных и физических данных и, кроме того, наличия индивидуальности, одаренности. Галина получила эту роль по праву.

В повелительных взмахх гибких и тонких мятущихся рук, тревожной красоте и экспрессивности арабесков ощущается духовная значительность одинокой и величавой королевы лебедей. Ее Одетта — сосредоточенная, непроницаемая,

Ярким контрастом «лебединому» акту стал уже сам дерзко-стремительный, почти вызывающий выход Одилли. Заносчиво вскинув голову, с каким-то азартным злорадством она завлекает и дразнит Принца, испытывая свою власть над сердцем юноши. Лынящий к земле корпус угрожающе распрямляется, чтобы снова склониться у ног Зигфрида в обманчивой лебединой позе и обернуться коршуном. И в смятенных движениях этой Одилли ощущается что-то тревожное, невысказанное...

В роли Одетты-Одилли приоткрылись особенности таланта и личности Галины Мезенцевой, впервые наметилась ее творческая тема — тема гордой, выстраданной несомненности, тревожной мятенности, которая нашла свое продолжение в старинной «Баядерке».

С торжественным, почти суровым лицом совершает баядерка Никия ритуал священного обряда. За внешне бесстрастными движениями скрыта внутренняя буря, трепет души, томимой роковой запретной страстью, которая выплескивается в сцене свидания с Солором. Любовь преобразует Никию. Пыльные, ликующие аттитюды «звучат» как слова любви, горячие и нежные. Тело танцовщицы становится мягким и гибким, движения томительно-певучие.

Г. Мезенцева мало «играет», мимика ее очень скупа, лицо большей частью серьезно, почти бесстрастно. Все эмоции, душевные волнения передаются через танец, его пластическую выразительность. Удивительно прекрасны и совершенны по форме ее арабески и

аттитюды, столь выразительные, емкие, эмоционально насыщенные. Поза арабеска является лейтмотивом «танца со змеей», трагического монолога Никии. Танцовщица то расплывается в арабеске с горестно заломленными руками, то, резко выпрямившись, застывает в мучительной паузе. Сама устремленность арабеска создает впечатление внутреннего призыва, почти мольбы. Но в этом почти гипнотическом танце не жалоба — баядерка Мезенцевой не знает унижения, в нем — скорбное величие, гордый вызов.

Строгой красотой пластики, удлинённых линий покоряет Г. Мезенцева в уникальном «акте теней».

Величавость, распевность танца, достоинство и значительность движений являются определяющими в партии феи Сирени. Особенно хороши и выразительны руки Мезенцевой, они буквально обволакивают, завораживают, мягко и властно утверждая силу доброты, света, молодости и красоты.

«Лебединое озеро». «Спящая красавица». «Баядерка» — труднейшие балеты классического репертуара — открыли балерину необычную, интересную, обладающую яркой индивидуальностью, а индивидуальность в балете важна необычайно. Ведь за танцовщицами всегда остается право по-своему интерпретировать известную роль, вносить в нее свое, новое и современное прочтение. Одетта-Одилли и Никия в исполнении Галины Мезенцевой — создания балерины семидесятых годов, балерины современной, для которой, мне кажется, можно ставить новые спектакли.

Артист балета складывается главным образом в работе над новыми постановками. Потребность в творческом общении с балетмейстерами, из рук которых актриса могла бы получить «свою», именно ей предназначенную роль, у Г. Мезенцевой выражена очень сильно. Диапазон ее дарования широк, природа одарила ее щедро, но дары эти надо шлифовать, развивать и совершенствовать. Гале предстоит много поработать, наращивать технику, пополняя творческий, профессиональный багаж. Пока многое идет от интуиции, многое подсказывают педагоги, пора творческого самораскрытия — впереди. Бережно, осторожно и терпеливо ведет «норовистую» танцовщицу к овладению мастерством народная артистка РСФСР О. Н. Моисеева, ее репетитор и наставник. Сейчас Галя готовит «Раймонду», в плане — «Легенда о любви» (Мехмед-Бану), в мечтах — «Жизель». Но больше всего влечет новое, непознанное. Г. Мезенцева тянется к молодым балетмейстерам, готова и вместе с ними экспериментировать, искать, пробовать, не боясь срывов и неудач. В недрах ее еще не раскрывшегося полностью таланта, мне кажется, таится многое. Театр, педагоги призваны помочь молодой актрисе раскрыться как можно более полно, щедро и ярко. Тогда талант ее обретет еще большую глубину и масштабность.

В. ПРОХОРОВА